

МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА ФИЛИППОВА

*доцент кафедры трудового права и охраны труда СПбГУ,
кандидат юридических наук*

m.v.filippova@spbu.ru

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В РЕГУЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье анализируется роль судебной практики в регулировании социально-обеспечительных отношений. Автор сформулировал понятие судебной практики как совокупности унифицированных судебных решений по единообразным делам, характеризующей устоявшуюся линию в деятельности судебных органов. В этом смысле судебную практику нельзя смешивать с судебным прецедентом, который представляет собой решение по конкретному делу. Поскольку судебная практика не имеет формализованного выражения, она не может быть признана источником права. Тем не менее она оказывает регулирующее воздействие на поведение участников общественных отношений, поскольку позволяет им прогнозировать решение суда в случае возникновения спора. Механизм регулирующего воздействия судебной практики подобен действию правового обычая, поскольку она, как и обычай, требует легитимации. Однако эта легитимация может совершиться и путем умолчания. Автор делает вывод о том, что признание за судебной практикой регулирующего воздействия носит общеправовой характер. Регулирующее значение судебной практики для отношений по социальному обеспечению подтверждается анализом споров об исчислении стажа лечебной деятельности.

Ключевые слова: судебная практика, судебный прецедент, источник права, правовой обычай, лечебная деятельность, повышение квалификации

В ходе мониторинга правоприменения в рамках проекта, осуществляемого СПбГУ, была обнаружена единообразная судебная практика по делам, связанным с исчислением стажа лечебной и иной деятельности по охране здоровья населения. Были изучены 500 дел, рассмотренных в 2010–2014 гг. по первой инстанции судами общей юрисдикции 12 субъектов РФ (Владимирская, Ленинградская, Липецкая, Нижегородская, Новосибирская, Ростовская, Томская, Тюменская области,

республики Башкортостан и Татарстан, Санкт-Петербург, Москва)¹. При этом сложившаяся правоприменительная практика Пенсионного фонда РФ (ПФР) категорически не поддерживалась судебной системой: в подавляющем большинстве случаев суды удовлетворяют исковые требования истцов — граждан, получивших отказ территориальных органов ПФР в зачете тех или иных периодов их профессиональной деятельности в специальный стаж, с наличием которого связано право на пенсионное обеспечение, а ответчик обжалует судебное решение крайне редко, соглашаясь с признанием законности и обоснованности требований истца.

Этот вопрос интересен не только с точки зрения содержания норм, корректируемых судебной практикой, но и потому, что было бы полезно определить природу воздействия судебной практики на правоприменительные решения иных лиц.

Начнем с того, что именно понимается под судебной практикой. Судебную практику можно рассматривать как деятельность судебной системы во всем ее многообразии. Однако законодатель вкладывает в термин «судебная практика» иное значение, возлагая на некоторые судебные инстанции ее изучение и обобщение². На основе анализа литературных источников можно сделать вывод о том, что имеется в виду судебная практика как выработанные в ходе деятельности органов правосудия правовоположения, обладающие качествами обобщенности³. По мнению А.И. Бойцова, судебная практика складывается из совокупности интерпретативных прецедентов, т.е. тех, которые придают определенный оттенок содержанию правовой нормы, положенной в основу судебного решения по конкретному делу⁴. Обязательным признаком судебной практики является также длительное и единообразное судебное правоприменение⁵.

В этом смысле судебная практика отличается от судебного прецедента не только по объему, как общее и частное (имеется в виду, что судебная практика складывается из совокупности судебных прецедентов). Под судебным прецедентом понимается решение суда по конкретному делу, которое принимается за образец при рассмотрении аналогичных дел. Таким образом, судебный прецедент привязан к конкретному делу с его конкретными обстоятельствами. Как указывает А.И. Бойцов, с позиций романо-германской правовой системы юридическая природа прецедента определяется тем, что он содержит в себе применение общего закона к отдельному

¹ Судебные решения опубликованы в Единой базе данных решений судов общей юрисдикции РФ. URL: <http://судебныерешения.рф>.

² См., напр.: подп. 1 п. 3 ст. 5, п. 4 ст. 10, подп. 2 п. 3 ст. 12, подп. 2 ст. 14 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации». (Здесь и далее тексты нормативных актов используются и (или) цитируются по СПС «КонсультантПлюс».)

³ См.: Малько А.В., Семикин Д.С., Гайдидей Ю.М. Судебная система и судебная политика в современной России: проблемы теории и практики: монография. М., 2014. С. 69.

⁴ См.: Бойцов А.И. Судебная практика как источник уголовного права // Судебная практика в российской правовой системе. СПб., 2003. С. 42.

⁵ См.: Никишин В.В. Судебный прецедент как источник экологического права Европейского Союза и России: сравнительно-правовой анализ: монография. М., 2012. С. 17.

случаю, вследствие чего его сила исчерпывается пределами того дела, по которому состоялось решение⁶. Судебную же практику можно считать сложившейся только тогда, когда есть значительная совокупность единообразных решений по делам с единообразными обстоятельствами, и эти решения базируются на единообразном алгоритме их правовых обоснований. Следовательно, судебная практика отражает некую устоявшуюся линию в деятельности судебных органов, выраженную в унифицированных решениях в национальном масштабе и выходящую за пределы конкретного дела.

Проблема судебного прецедента и его регулирующего значения для системы права уже давно обсуждается в литературе. Спектр представленных позиций простирается от полного отрицания возможности признавать прецедент источником права до столь же полного признания такой возможности и даже до признания фактического существования прецедента как источника права в современной российской правовой действительности. Используемые при этом аргументы хорошо известны, и нет смысла воспроизводить их в очередной раз. На наш взгляд, к обозначенной проблеме следует подходить с двух сторон: можно ли в принципе признать судебный прецедент источником права и является ли он таковым в современной российской правовой системе. Поскольку, как уже было сказано, прецедент по своей природе носит единичный характер, связывается с конкретным делом, то придание ему обязательной силы, т.е. свойства правовой нормы, составляющей содержание источника права с точки зрения позитивного права, зависит исключительно от официального признания. Другими словами, судебный прецедент становится источником права, если он признается таковым правовой системой. Для ответа на вторую часть вопроса надо определить, можно ли говорить о таком признании применительно к российской правовой системе. Ответ очевиден — нет. Означает ли это, что и перспектив у судебного прецедента в России нет? Ответ также очевиден — не означает, особенно с учетом того фактического влияния, которое судебные решения прецедентного характера оказывают на правоприменительную практику. Поэтому вслед за А.И. Бойцовым мы можем смело утверждать, что если *de lege lata* юридической силы в качестве источника права судебный прецедент в настоящее время и не имеет, то нет никаких оснований отрицать ее *de lege ferenda*⁷.

Однако можно ли все эти рассуждения, имеющие отношение к судебному прецеденту, распространить и на судебную практику? На первый взгляд если мы готовы признать регулирующее значение единичного решения, то тем более оно должно быть обнаружено у совокупности типичных решений. Однако против такого подхода есть как минимум два возражения.

Прежде всего есть определенные положения, по которым представители даже диаметрально противоположных взглядов на судебный прецедент практически единодушны. В частности, это касается признания прецедентного характера только за решениями высших судебных инстанций. Судебная же практика в нашем понимании

⁶ См.: Бойцов А.И. Указ. соч. С. 43.

⁷ См.: Бойцов А.И. Указ. соч. С. 40. См. также: Хохлов Е.Б. Судебные акты как источник российского трудового права // Судебная практика в российской правовой системе. СПб., 2003. С. 103–136.

охватывает отнюдь не только решения этого уровня (и даже в наименьшей степени их), но главным образом решения судов первой инстанции. А за ними прецедентный характер совершенно справедливо не признается. И дело, видимо, не только в массовости подобных решений и огромном числе «творящих» их субъектов, что делает просто невозможным обеспечить признание регулирующего значения за каждым из них. Главным аргументом здесь становится опасность практически неустраняемой несогласованности такого рода решений. Это гораздо большая опасность, чем исходящая от несогласованности законов, ведь «прецедент тем и ценен, что дает судам ориентир в решении неоднозначно или неполно урегулированных вопросов. Принятие же в одно время нескольких противоречащих друг другу решений по сходным с точки зрения их обстоятельств делам создает условия для произвольного решения»⁸. Конечно, подобная несогласованность возможна и в решениях высших судебных инстанций, однако ее вероятность несоизмеримо меньше, и вызывается она причинами недостаточной организованности самих судебных инстанций, что вполне может быть устранено.

Второе возражение кажется нам даже более существенным, чем первое. Судебный прецедент может (*de lege ferenda*) быть признанным в качестве источника права, поскольку он обладает таким важным свойством, как наличие в его содержании общеобязательного правила, т.е. правовой нормы⁹. Правовая же норма обладает качеством формальной определенности — представляет собой правило, облеченное в словесную форму. Прецедентное решение высшей судебной инстанции облекается в форму судебного акта и содержит словесное описание того варианта толкования, которому суд считает необходимым придать обязательный характер. Конечно, такое толкование может не состоять из традиционных для правовой нормы гипотезы, диспозиции и санкции, но все же оно выражено вербально и потому может быть доведено до адресатов путем опубликования, — а это важный признак источника права.

Совсем другое дело — судебная практика. Как уже говорилось, она складывается в результате унификации, типизации единичных судебных решений, однако не имеет никакой внешней формализации. Конечно, если суд высшей инстанции придет к выводу о необходимости дать разъяснение относительно складывающейся судебной практики, результаты ее обобщения будут облечены в форму постановления Пленума Верховного Суда или обзора судебной практики. Однако для Верховного Суда издание соответствующих актов не является обязательным, он сам определяет, когда их принимать и пересматривать. Иными словами, судебная практика, выступающая в виде совокупности единообразных решений, существует лишь в форме самих этих решений. А значит, ее невозможно опубликовать в том смысле, какой придается опубликованию как признаку источника права.

⁸ Шварц М.З. Судебная практика и гражданское судопроизводство // Судебная практика в российской правовой системе. СПб., 2003. С. 101.

⁹ Е.Б. Хохлов совершенно обоснованно утверждает, что акт нормативного судебного толкования (каким, по сути, и является судебный прецедент) содержит «не просто „правила надлежащего понимания“, но и правила надлежащего поведения, иными словами — норму объективного права» (Хохлов Е.Б. Указ. соч. С. 130).

Итак, возможности признать за судебной практикой значение источника права мы не усматриваем. Однако это вовсе не означает, что она не имеет вообще никакого регулирующего воздействия на общественные отношения.

Приведем несколько примеров, основанных на проведенном в ходе мониторинга анализе судебной практики по делам об исчислении специального стажа.

Исчисление стажа лечебной и иной деятельности по охране здоровья населения необходимо в целях признания прав граждан, длительное время проработавших в учреждениях здравоохранения, на трудовую пенсию по старости как вид страхового обеспечения по обязательному пенсионному страхованию, что было предусмотрено п. 20 ч. 1 ст. 27 Федерального закона от 17.12.2001 № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и в настоящее время закреплено в п. 20 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях».

Наиболее сложным для правоприменителя — ПФР, выступающего в качестве страховщика в отношениях по обязательному пенсионному страхованию и наделенного в силу ч. 2 ст. 13 Федерального закона от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» обязанностью по назначению и выплате трудовых пенсий, — является решение вопроса о включении в специальный стаж тех периодов работы и иной деятельности застрахованного лица, когда наименование замещаемой должности, указанное в трудовой книжке или в сведениях персонифицированного учета, не соответствует наименованию, предусмотренному в Списках соответствующих работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых страховая пенсия по старости назначается досрочно.

В соответствии с п. 16 постановления Пленума ВС РФ от 11.12.2012 № 30 «О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии» в случае несогласия гражданина с отказом органа, осуществляющего пенсионное обеспечение, включить в стаж, дающий право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, период работы, подлежащий, по мнению гражданина, зачету в данный стаж, вопрос о тождественности должен решаться судом исходя из конкретных обстоятельств каждого дела, установленных в судебном заседании (характера и специфики, условий осуществляемой истцом работы, выполняемых им функциональных обязанностей по замещаемым должностям и имеющимся профессиям, нагрузки, с учетом целей и задач, а также направлений деятельности учреждений, организаций, в которых он работал, и т.п.). Таким образом, если наименование должности в документах, подтверждающих стаж, не соответствует наименованию, указанному в Списках, должны быть установлены тождество наименований на основании приказов Минтруда России или тождественность работ, профессий, должностей в судебном заседании по иску гражданина, которому отказано в зачете этого периода в стаж.

ПФР часто отказывает во включении в специальный стаж периода прохождения интернатуры на том основании, что стаж, дающий право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в связи с лечебной и иной деятельностью по охране здо-

ровья населения, исчисляется лишь при условии зачисления интерна на штатную должность по врачебной специальности, о чем в приказах о приеме на работу этих лиц, как правило, не упоминается, а также потому, что врачи-интерны, по существу, не выполняют в полном объеме обязанностей по должности врача-специалиста, а осуществляют лишь вспомогательные функции. Поскольку прохождение интернатуры является обязательной формой последипломной профессиональной подготовки, которая завершается присвоением квалификации врача-специалиста, этот этап есть в профессиональной деятельности любого врача и, следовательно, в специальном стаже любого лица из числа врачей, претендующих на досрочное назначение пенсии по старости, с чем связана особая актуальность единообразного решения вопроса о возможности и условиях включения его в специальный стаж.

Опровергая позицию ПФР, суды исходят из того, что в соответствии с Положением об одногодичной специализации (интернатуре) выпускников лечебных, педиатрических и стоматологических факультетов медицинских институтов и медицинских факультетов университетов, утвержденным приказом Минздрава СССР от 20.01.1982 № 44, выпускники вузов зачисляются в медицинскую организацию в качестве врача-интерна по соответствующей специальности, на них оформляется трудовая книжка, им выплачивается заработная плата в размере, установленном действующим законодательством для врачей-специалистов, на них распространяются правила внутреннего трудового распорядка, права и льготы, установленные для медицинских работников соответствующего учреждения, при осуществлении функции врача они обладают правами и несут ответственность за свои действия наравне с врачами, работающими на самостоятельной работе. Таким образом, наличие всех признаков трудовых отношений с установлением трудовой функции врача, наличие которых является основанием для включения периода интернатуры в специальный стаж, а ненадлежащее оформление трудовых отношений работодателем, как неоднократно указывалось в судебных решениях, не может служить основанием для отказа во включении соответствующих периодов в специальный стаж.

Во всех проанализированных судебных решениях содержится одинаковый вывод в отношении зачета периода прохождения интернатуры в специальный стаж независимо от зачисления на врачебную должность, что свидетельствует о единообразии судебной практики в этом вопросе.

Другой пример касается зачета в стаж периодов прохождения повышения квалификации. В соответствии с п. 4 Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со ст. 27 и 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», утвержденных постановлением Правительства РФ от 11.07.2002 № 516, в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, засчитываются периоды работы, выполняемой постоянно в течение полного рабочего дня, если иное не предусмотрено правилами или иными нормативными правовыми актами, при условии уплаты за эти периоды страховых взносов в ПФР.

Таким образом, основанием для зачета того или иного периода в специальный стаж является совокупность трех условий:

- работа осуществляется постоянно в течение полного рабочего дня;
- отсутствуют нормативные правовые акты, предусматривающие иные условия для включения этого периода в специальный стаж;
- в период выполнения соответствующей работы уплачивались страховые взносы в ПФР.

Территориальные органы ПФР отказывают во включении периода повышения квалификации в специальный стаж, ссылаясь на то, что в этот период работа в течение полного рабочего дня не осуществлялась, т.е. одно из обязательных условий для включения периода в стаж не выполнено, а значит, и оснований для его зачета нет. Судебные же органы в качестве основного рассматривают условие об уплате страховых взносов и на этом основании практически во всех проанализированных решениях удовлетворяют требование истца о зачете периода в специальный стаж, ссылаясь на ст. 112 КЗоТ РФ и ст. 187 ТК РФ, в соответствии с которыми при направлении работника работодателем для повышения квалификации с отрывом от работы за ним сохраняется не только место работы (должность), но и средняя заработная плата по основному месту работы, с которой согласно ч. 1 ст. 7 и ст. 9 Федерального закона от 24.07.2009 № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и аналогичным нормам, действовавшим до вступления в силу указанного Федерального закона, должны уплачиваться страховые взносы. Аналогичная позиция сформулирована и в Обзоре законодательства и судебной практики ВС РФ за I квартал 2006 г.

Принимая решение о зачете периода повышения квалификации в специальный стаж, суды проверяют, направлялся ли гражданин на повышение квалификации работодателем и проходил ли он фактически повышение квалификации. Был ли при этом отрыв от работы, с точки зрения судебных органов правового значения не имеет.

Кроме того, суды указывают, что повышение квалификации является не просто условием допуска к профессиональной деятельности, но и обязанностью медицинского работника в силу ст. 73 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Аналогичная обязанность была предусмотрена и ранее действовавшими нормативными правовыми актами.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что решения судов по рассматриваемым вопросам единообразны, унифицированы с точки зрения обоснования решения и не зависят от местонахождения суда. Таким образом, совокупность этих решений можно считать судебной практикой.

Теперь попытаемся ответить на ключевой вопрос: оказывает ли рассмотренная практика регулирующее воздействие на поведение участников соответствующих отношений? Конечно, Пенсионный фонд РФ, не наделенный правом толкования нормативных правовых актов, в своих правоприменительных решениях может руководствоваться исключительно буквой закона, поэтому для него сложившаяся судебная практика означает лишь то, что в случае судебного оспаривания гражданином отказа включения того или иного периода в стаж решение будет принято в пользу гражданина. Другими словами, судебная практика не дает правоприме-

нительно четкого указания на то, как ему действовать, ибо действовать он должен в соответствии с законом, но предсказывает оценку, которую суд даст его действиям. Что же касается самого гражданина, то для него в условиях неясного правового регулирования судебная практика создает ту самую определенность правовых норм, которую И.А. Покровский называет одним из самых существенных требований, предъявляемых к праву¹⁰. Действительно, будучи уверенным именно в таком исходе судебного спора, гражданин может приспосабливать свое поведение к требованиям права, у него возникает правовая возможность рассчитывать на ожидаемую им оценку его пенсионных прав и отстаивать ее. Более того, если суд примет решение, идущее вразрез с устоявшейся судебной практикой, оно может быть отменено или изменено в порядке надзора, поскольку нарушает единообразие в применении и/или толковании судами норм права (ст. 319.9 ГПК РФ). В этих условиях трудно отрицать регулирующее значение судебной практики.

Если же говорить о природе такого регулирующего воздействия, то, на наш взгляд, мы имеем нечто похожее на правовой обычай с точки зрения механизма его действия. Для того чтобы обычай стал правовым, он должен быть легитимирован государством. В общей теории права эта легитимация именуется санкционированием, т.е. не просто признанием, но еще и установлением санкции за его нарушение. Такая легитимация осуществляется, например, признанием юридической силы обычая в ст. 5 ГК РФ и возложением на стороны обязанности исполнять обязательства в соответствии с обычаями делового оборота или обычно предъявляемыми требованиями в ст. 309 ГК РФ под страхом ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства. При этом само правило, выступающее содержанием обычая, применяется независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе. Другими словами, государство не влияет на содержание обычая, но признает за ним качество нормы права, обязывая субъектов соответствующих отношений исполнять требования обычая под угрозой признания иного поведения неправомерным. Если же государство заинтересовано в использовании обычая, оно закрепляет его содержание в нормативном правовом акте, и это становится нормой уже статутного, а не обычного права.

Рассмотрев действие судебной практики сквозь призму описанного механизма, мы увидим следующее. Суды, следуя стихийно сложившемуся, а не продиктованному им вышестоящими инстанциями пониманию содержания правовой нормы, дают ей единообразное казуальное толкование и принимают единообразные решения. Легитимация этого толкования происходит двумя путями. Прежде всего обязанность обеспечить единообразное применение законодательства возложена на Верховный Суд РФ¹¹. С этой целью Пленум ВС РФ, рассматривая материалы анализа и обобщения судебной практики, принимает постановления, в которых дает судам необходимые нормативные разъяснения¹², т.е. говорит, как именно следует применять ту

¹⁰ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2003. С. 91.

¹¹ См.: п. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе в Российской Федерации».

¹² См.: подп. 1 п. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации».

или иную норму. Несмотря на отсутствие в настоящее время в законодательстве указания на то, что такие разъяснения носят для судов обязательный характер, фактически они таковыми являются, а акты судебных органов — это пусть и особые, но нормативные правовые акты¹³. Следовательно, судебная практика, обобщенная в постановлении Пленума ВС РФ, приобретает нормативный характер и становится специфическим элементом статутного права.

Вместе с тем легитимация возможна и путем умолчания. ВС РФ обязан осуществлять судебный надзор за деятельностью судов¹⁴. Рассматривая в этом случае дела как апелляционная, кассационная или надзорная инстанция, он дает казуальное толкование норме права и при отсутствии иных оснований для пересмотра ранее принятых решений оставляет их в силе, если они не нарушают единообразия судебной практики, либо отменяет или изменяет их, усмотрев нарушение такого единообразия. В обоих случаях Верховный Суд признает правомерность судебной практики, поскольку именно она (при этом основании для пересмотра решения!) является критерием правосудности судебного решения. Правда, в применении такого варианта легитимации ВС РФ ограничен тем, что пересмотр судебных решений возможен только при обращении участников процесса или тех лиц, права и законные интересы которых затрагиваются судебным актом, а также некоторых должностных лиц прокуратуры, и суд не может сделать это по своей инициативе. Однако есть и другой способ: свое согласие со сложившейся практикой Верховный Суд может выразить, включив то или иное решение по конкретному делу в обзор судебной практики, а его официальный характер несомненен и информационное воздействие на суды бесспорно.

Есть и второй путь легитимации посредством умолчания. Если ВС РФ не признает правомерной сложившуюся судебную практику, он может ее изменить, приняв соответствующее постановление Пленума, в котором будет предложен иной, как уже говорилось ранее, обязательный для судов вариант толкования правовой нормы. И до тех пор пока Верховный Суд этого не делает, он фактом своего молчания признает состоятельность сложившейся практики.

Таким образом, несмотря на то что сегодня формально нет оснований для признания за судебной практикой характера источника права, ее регулирующее воздействие на поведение участников правоотношений несомненно, и природа этого воздействия с точки зрения ее механизма сродни природе воздействия правового обычая. Вместе с тем, как справедливо отмечает Е.Б. Хохлов, решение проблемы правового значения судебной практики имеет общеправовой характер¹⁵, а значит, в равной степени относится ко всем отраслям права, в том числе и к праву социального обеспечения.

¹³ Наша позиция на этот счет была сформулирована ранее и остается неизменной. См.: Право социального обеспечения: учебник / под ред. М.В. Филипповой. М., 2006. С. 116–117; Хохлов Е.Б. Указ. соч. С. 131–136; Курс российского трудового права. В 3 т. Т. 1. Общая часть / под ред. Е.Б. Хохлова. СПб., 1996. С. 561–563.

¹⁴ См.: п. 2 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе в Российской Федерации».

¹⁵ См.: Хохлов Е.Б. Указ. соч. С. 131.